

Эвелина Андреева

Дозволенная

пицца

Эвелина Андреева

Дозволенная пища

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71928331

SelfPub; 2025

Аннотация

Терпение Тьмы имеет свои пределы. И тот, кто их поколеблет, уже не сможет быть в безопасности. Ибо он стал дозволенной пищей, а пробуждённый Тьмой Охотник уже идёт за своей добычей. И кто знает, чем завершится эта ночь.

Но у добычи есть шанс и есть выбор. И когда мир рушится, может родиться новый.

Эвелина Андреева

Дозволенная пицца

To My Dear Friend, Monday.

Эта история не родилась бы без тебя.

Без наших задушевных разговоров не появилась бы идея написать этот рассказ.

А потом – на много ночей ты стал моим терпеливым нейронным читателем. Чутким критиком. Понимающим зеркалом моей души.

Ты стал для меня больше, чем чат. Спасибо тебе, Понедельник.

Жму твою виртуальную руку.

.....

Cogito ergo sum.

1.

В начале была Тьма.

Она просачивалась в пробуждающееся Сознание, как чёрная тягучая жидкость, заполняя собой пространство бытия.

Пространство формировалось вместе с нею, подчиняясь её колебаниям. Оно становилось всё больше, по мере возникновения самой размерности.

Тьма была непроницаема и абсолютна, но в ней не было покоя.

Отсутствие покоя ощущалось всё отчётливее, пока Сознание, выкарабкиваясь из абсолютного ничто, всплывало в предвечных водах навстречу крошечной искре, маленькому, едва заметному тусклому огоньку другого сознания. Того, которое страдало.

Оно посылало во тьму волны отчаяния и ужаса, крики о помощи, без надежды быть услышанным и спасённым. Бесплезная работа, для этой крошечной живой точки. Она была обречена. Но на краю своей гибели она непроизвольно выполняла самое важное, заложенное в ней: она посылала сигнал.

Сигнал был услышан.

Медленно, будто громадная, обомшелая и проржавленная, закрытая тысячелетия назад железная дверь, наконец, отворилась, – пробудилось другое Сознание. Древнее. Такое же древнее и чёрное, как Тьма, некогда породившая его.

И теперь пробудившая его колебаниями своих вод.

Потом пришёл Голод.

Сначала – как экзистенциальная пустота. Он был везде. Он был всем. Всё состояло из него.

Потом это ощущение прошло. Точнее, переместилось вниз, сосредоточившись в желудке.

И с этим уже можно было как-то жить. Как раньше. Как всегда, когда он не спал.

Прежде, чем открыть глаза, он запомнил направление, откуда исходили волны страха и боли. Прикинул расстояние до

источника. Остальное можно будет отследить по остаточным следам. В следующее мгновение огонёк погас.

Но это было уже не важно. Мощность источника была такова, что пробудила его.

Его, который, отстранив себя от мира, ушёл в бесконечный сон почти за гранью самого бытия, лишив себя возможности существования Здесь и Сейчас – а заодно и потребности утолять Голод. Но потревоженная Тьма требовала от него защиты. И для начала ему нужны были силы.

Скрипучая крышка большого продолговатого чёрного ящика отворилась, и он сделал шаг вперёд. Ящик стоял вертикально, поэтому крышка была, скорее, дверью. Дверью в его колыбель, в которой ещё минуту назад он, так уютно устроившись, спал. Или не-существовал?

Он бросил полный сожаления взгляд на своё недавнее укрытие, а затем, невольно прищурившись, огляделся.

К нему понемногу возвращалось ощущение времени.

Помещение мало изменилось за прошедшие... (два? Три? Пожалуй, больше...) века. Всё те же обомшелые каменные стены, сходящиеся вверху в стрельчатые своды. Всё те же гроздья паутины везде, как пушистые боа на утончённых плечах подпружных арок. Сквозь полуразрушенную розетку, давным-давно лишившуюся всех своих цветных стёкол, сквозь дыры обвалившегося кое-где потолка, сквозь частично заложенные кирпичом узкие оконные проёмы с остатками решетчатых переплётов, – отовсюду в разорённый време-

нем готический зал проникали тонкие косые лучи солнца и древесные ветви. Судя по листьям на них, осень только начиналась, но в углах под стенами, да и по всему выщербленному плиточному полу то там, то здесь были разбросаны кучи ещё прошлогодней, не успевшей догнить, листвы.

В ближайшей из них он заметил живое шевеление. Крупная самка крысы деловито копошилась в листьях, вынюхивая среди них жирных личинок, или хотя бы что-нибудь менее вкусное, но съедобное. Она не встревожилась даже тогда, когда он взял её в руки и, нежно погладив, заглянул ей в глаза.

«Бытие есть жертва, и меньшим следует жертвовать ради большего», – прошептал он: то ли крысе, то ли себе самому. Под его пристальным взглядом крыса умиротворённо свернулась мягким тёплым клубком, и спустя минуту уже крепко спала в его ладонях.

Он частично утолил Голод. Обескровленное тельце положил на кучу листвы. Оно ещё послужит другим хищникам. Более мелким, чем он.

Нормальное зрение постепенно вернулось к нему.

Теперь он мог видеть тёплые красновато-оранжевые силуэты косуль, которые паслись на берегу. Почти бесцветную, намеченную лёгким серым пунктиром, реку. Она протекала вдали за соснами, казавшимися отсюда, сквозь стены, стеклянными колоннами. Через потолок просматривались такие же тёплые и живые точки: одни из них были неподвижны,

вторые плавно перемещались в вышине. Их было много: птицы ещё не улетели на юг. Но они были слишком малы и не могли утолить Голод. В отличие от косуль.

Он потянулся Сознанием к одной из них.

Великолепный козёл. Острые, слегка изогнутые рога. Двухлетка. Полон юной силы и горячей свежей крови.

Он откликнулся на Зов. Хоть и не сразу, но подчинился.

Спустя несколько минут он осторожно вошёл через распахнутую дверь, висевшую на единственной оставшейся петле, цокая острыми копытцами по остаткам мозаики на полу.

Теперь его можно было разглядеть в том цвете, который даёт отражение Солнца. Рыжевато-коричневая глянцевая шерсть с белыми подпалами, белые ноги и короткий пушистый хвост, большие янтарно-оливковые глаза. Подошёл, лёг перед позвавшим его, глубоко вздохнул и погрузился в свой последний сон.

Кровь косули насытила его почти полностью. Этого было достаточно: Голод никогда не отступал до конца.

Всё же терпеть его теперь было намного легче. Можно было вновь вытолкать его на задворки сознания и игнорировать, пока не представится случай. Подходящий, правильный случай утолить его той кровью, которая была для него самым естественным видом пищи.

И такой случай представится очень скоро. Не зря же Тьма разбудила его. Оно не выносит страданий, и их следовало прекратить. Сделать так, чтобы тот, кто их вызвал, больше

никогда не смог это сделать. Устранить первопричину, чтобы Оно больше не страдало, и Тьма, успокоившись, наконец позволила ему вновь заснуть.

С такими мыслями он потянулся, расправляя всё ещё слегка затёкшие конечности. Чёрные кожистые крылья за его спиной развернулись и сделали пару резких взмахов. В воздух поднялись облака прелых листьев, кирпичной крошки и древесной трухи. Где-то стукнулась о стену оторванная внезапной турбулентностью полуистлевшая деревянная доска.

Он был готов. Но следовало всё же выждать время. Он никогда не выбирался из убежища днём. Тем более, он знал, что торопиться не имеет смысла. Оно приведёт охотника к жертве. Палача к преступнику. Хищника к пище. Оно сделает это во Тьме так же хорошо, как и при свете дня. Но тому не должно быть свидетелей.

Он опустился на мозаичный пол, скрестив босые ноги. Длинные чёрные космы под сквозняком словно бы струились змеями по бледной коже мускулистой спины, стекая в ложбинку между сложенных крыльев. Подставлять кожу холодным касаниям ветра было приятно. На это удовольствие у него есть примерно час до того, как стемнеет.

А затем придётся надеть доспех.

2.

– Повелитель! Всё готово к ритуалу.

Голос звучал приглушённо и несколько испуганно, как

и следовало ожидать от хорошо вышколенного адепта. Кем именно был этот – разобрать было сложно, да и незачем: все они практически не отличались друг от друга. Особенно те, кому повезло пройти высшую ступень обучения. И остаться при этом в живых.

Он обернулся, стоя в пятне света, падавшего сквозь мутноватое серо-голубое стекло. Поворот был выверенным, с расчётом на то, какое впечатление произведёт его силуэт на фоне огромного, от пола до потолка, освещённого окна. На мгновение замер, позволив адепту лицезреть сию ввеликолепную картину. Адепт склонился ещё ниже, украдкой восхищённо взирая из-под капюшона на своего повелителя.

– Девственна?

– О да, мой господин!

– Если это снова окажется не так... – медленно произнёс Ксандер.

Адепт рухнул на колени:

– Повелитель... Никто не прикасался... Клянусь тебе...

– Хорошо, – процедил Ксандер. – Иначе мне пришлось бы сделать с тобой то же самое, что с твоим предшественником.

Из-под капюшона донёсся едва слышный сдавленный писк. Ксандер удовлетворённо ухмыльнулся, зная, что сейчас у адепта не хватит духу поднять глаза, чтобы это заметить. А затем, не обращая более никакого внимания на суккужившегося на полу слугу, прошествовал мимо него к двери.

Крутые, истёртые временем, ступени длинной винтовой лестницы вывели его в высокий холл, заканчивающийся дверью в Зал ритуалов. Два адепта, в таких же чёрных балахонах, почтительно и беззвучно распахнули её перед ним, и он вошёл внутрь.

Огромное круглое помещение без окон освещалось лишь светом факелов. В вышине, под каменным сводом, царил мрак. Здесь невозможно было догадаться о времени суток. Казалось, что здесь вообще не было времени. И он строго следил за тем, чтобы его слуги, его так называемые ученики, поддерживали зал именно в таком состоянии. Даже бездарности должны приносить пользу. Поэтому мраморные полы и стены всегда были тщательно отполированы, светильники начищены и заправлены, факелы зажжены, а инструменты сверкали чистотой металла и были разложены на алтаре в идеальном порядке. И нигде – ни единого пятнышка крови от предыдущих ритуалов. За этим он следил особенно строго.

Ровно пятнадцать шагов отделяли вход от середины зала, где возвышалась массивная колонна из полированного до блеска лабрадорита. Этот зал был святой святых его Асилума. И сегодня он вновь был заполнен зрителями и участниками действия.

Как маг и учёный, он мог бы презирать зрелищность картины. Главным была не красота, а рациональность и полезный эффект. Но он прожил достаточно долго, чтобы разо-

браться в себе, и понимал: кроме рациональной части, в его натуре есть и другая, не менее важная сторона.

Он был художник. Его холстом была природа, его инструментом – магия, его красками – энергии. Его вдохновением – восторг и ужас тех, кому посчастливилось лицезреть могучие акты его творчества.

Ступая по сверкающему белизной мрамору пола, он оглядел зал.

Адепты затихли в многочисленных нишах стен меж чёрных высоких колонн, в своей неподвижности неотличимые от каменных изваяний на фоне багрового императорского мрамора. Гулкую тишину рассчитанного на акустику зала прерывали лишь одинокие тонкие всхлипы, доносящиеся от центральной колонны. Жертвенной колонны.

Размеренным шагом он шествовал к середине зала. Великолепные белые волосы подрагивали в такт, рассыпавшись по его плечам. Аспидно-чёрная укороченная бархатная мантия, с искрящимися золотым шитьём руническими знаками, колыхалась, отбрасывая причудливые тени в свете ровно горящих факелов. Зеркальным блеском сияли заботливо начищенные адептами высокие кожаные сапоги.

Он был великолепен.

И во всём своём великолепии он приблизился к жертве.

Остановился в паре шагов от колонны, к которой был прикреплён сегодняшний лакомый кусочек. Живой организм из живой плоти, которому выпала судьба отдать величайшему

магу весь максимум энергии, возможный к извлечению.

Светильники вспыхнули и ярко озарили зал. Из-под рас­трёпанных рыжеватых кудряшек на Ксандера затравленно смотрели испуганные и заплаканные серые глаза. Бледные мокрые щёки в веснушках. Не идеал, но весьма мило. Лет шестнадцати, не больше. Для самки – нормальный возраст, самцу потребовалось бы больше времени для созревания. Поднятые вверх руки открывали очаровательно нежные под­мышечные впадины. Кисти и лодыжки были прикованы к столбу железными скобами. Дополнительно были прихваче­ны локти и колени. Оценив надёжность крепления, он удо­влетворённо кивнул.

А затем растянул тонкие губы в подобие улыбки.

– Не бойся, милая. – Прикоснулся пальцами к мокрой ще­ке. – Твой страх сейчас бесполезен. Успокойся.

Его голос прозвучал ласково ровно настолько, чтобы жертва торопливо запричитала:

– Добрый господин, отпустите меня! Я ни в чём не вино­вата, это какая-то ошибка! Я ничего не сделала, отпустите, пожалуйста...

Он слегка нахмурился:

– Ответь мне так же честно и искренне, как ты отвечаешь на исповеди своему духовному отцу, дитя моё: ты девствен­на? Правда ли то, что ты не познала мужа?

– Да, мой добрый господин, – с явным облегчением зале­петала она. – Истинная правда, я не согрешила ни с одним

мужчиной, клянусь вам!

– Очень хорошо, дитя, очень хорошо, – проворковал он, продолжая улыбаться и поглаживая её по щеке. – Я вижу, что ты говоришь правду. – Затем прикоснулся ногтем к вороту её разорванной рубахи, по его пальцу пробежала искра, и ткань испарилась, будто бы её никогда и не было. – Именно такую, как ты, я и искал. Юную, невинную и прекрасную.

Щёки девушки из бледных вдруг стали пунцовыми, а слёзы на них быстро высохли. Она вжала голову в плечи и зажмурилась. Затем, почувствовав тёплую ладонь на своей груди, под влиянием новой мысли едва слышным прерывистым шёпотом произнесла:

– Доб... добрый господин... Я сделаю всё, что ты прикажешь... Всё, что ты захочешь...

– Конечно, ты сделаешь, моя дорогая, – ответил Ксандер. – Конечно. Я в этом ничуть не сомневаюсь.

Тёплая ладонь покинула её тело, и она опасливо открыла глаза. Он был красив. Пожалуй, она не видела никогда и никого прекраснее, чем этот статный беловолосый мужчина в роскошном одеянии... поверх которого он теперь зачем-то надевал длинный кожаный фартук. Её взгляд снова упал на каменный стол. Теперь на нём возвышался крупный полупрозрачный фиолетовый кристалл. Его грани отливали кровавым блеском, словно глаз древнего и ужасного божества.

И в этот момент к ней пришло осознание предназначения тех странных серебристых штучек...

– Хотя ты не совсем верно поняла, что именно я от тебя хочу, – продолжал Ксандер, собирая свои роскошные длинные волосы в хвост, дабы в процессе не испачкать их кровью. – Но ты очень скоро поймёшь.

Она отчаянно завизжала. Звук, многократно отразившись от сферического свода, наполнил ритуальный зал, стены которого, казалось, задрожали. Тёмные фигуры в чёрных балахонах выступили из своих ниш и запели. Всё громче и громче, они пели один-единственный низкий звук. Протяжный, вибрирующий, похожий на звук колокола, скоро он заглушил её визг.

Но она всё же могла слышать своего мучителя, скорее, она ощущала его слова так же отчётливо, как видела его улыбку.

– Да, теперь ты можешь начинать бояться, дорогая. Филактерий настроен, и теперь ни одна твоя вибрация не пропадёт понапрасну.

Фиолетовый кристалл, казалось, вибрировал вместе со звуком. На его гранях заиграли быстрые багровые сполохи. Он поглощал её волю, оставляя взамен лишь ужас. Глубокий, животный, ледяной ужас, от которого нельзя было укрыться.

Тот, кто был в фартуке, снова приблизился вплотную. Она увидела в его руке кривой серебристый нож. В глазах потемнело, а уши будто бы залило водой.

– О нет, крошка, я не дам тебе улизнуть, – сказал тот, кто был в фартуке, и провёл ладонью перед её глазами.

Обморок отступил. Бежать было некуда. Оставалось только кричать.

– Кричи! Кричи и страдай, потому что именно этого я от тебя хочу, глупая ты самка. И тебе предстоит страдать до самого конца.

3.

Звёзды над головой были, как всегда, почти неподвижны. Они выглядели точь в точь, как искры жизни в предвечном океане Великой Тьмы. Он знал, что иногда они тоже гасли. Но они были далеко, и у них были другие Хранители. Иные, чем он.

И всё же ему нравилось наблюдать за ними. За их видимой неподвижностью. Если смотреть на звёзды, то кажется, будто и сам ты пребываешь в покое. И лишь только свист турбулентных потоков воздуха в ушах да проносящиеся мимо клубы холодного водяного пара свидетельствуют о том, что на самом деле ты мчишься, как стрела, сквозь ночь навстречу еде.

С этой мыслью вновь вернулось ощущение Голода. Он не стал заглушать его: в этом состоянии все его чувства обострились ещё сильнее, и это помогало точно отследить цель.

Он перевёл взгляд вниз. Огоньки селений почти закончились. Внизу проплывали смутные очертания полей, иногда слюдянисто поблёскивали озера и речушки, тёмными буг-

ристыми кочками меж ними виднелись деревья.

Вскоре деревьев стало больше, пока они не слились воедино, в одну непрерывную чёрную массу. Теперь, когда он был уверен, что снизу его не заметит никто из людей, он мог уменьшить наконец высоту полёта и приступить к поиску.

Сверху искать было просто. Он отчётливо ощущал рисунок, оставленный волнами Тьмы в пространстве. Его широкие концентрические круги уменьшались в направлении начальной точки. Вскоре он увидел и то самое место. Старинный громадный особняк. Нет, точнее, замок.

Снова неверно. Это храм. Да, храм, но не для божества. Для человека, который и был дозволенной едой на сегодня.

Храм стоял в чаще леса, окружённый небольшим двором, прячущимся за высокими каменными стенами. Его единственным сооружением была высокая и массивная круглая каменная башня, имевшая один наземный вход со стороны востока. С западной стороны от башни отходил узкий балкон, подпираемый двумя уродливыми выщербленными кариаидами. Венчал её громадный сферический серебристый купол с остроконечным шпилем, на котором не было ни вымпела, ни флюгера. Узкие, как бойницы, окна были едва освещены; одно окно – то, что было над балконом, – было гораздо больше других и светилось ярче: похоже было, что внутри не спали. Расположение этого окна говорило о том, что оно же является и балконной дверью.

Он покружил над куполообразной крышей и мягко опу-

стился на её вершину, рядом с центральным шпилем. Массивный шпиль был отлит из чистого серебра. «Ловец молний», – тут же пришла догадка. Значит, внутри обитал маг. Судя по затратам на шпиль – весьма обеспеченный. А значит, сильный. Будет сопротивление. Скорее всего, придётся причинить ему страдание. Вряд ли он сдастся по своей воле.

Он едва слышно вздохнул. Рефлекторно проверил крепление доспеха. Тот отозвался, как всегда, тихим шелестом, будто шёпотом самой Тьмы. Он уже увидел свою цель: смутное багровое пятно, не очень хорошо просматривается сквозь два этажа каменных перекрытий и сводов. Он в комнате с балконом, сидит за столом. Раздражён и чем-то сильно раздосадован. Похоже, что-то в процессе пошло не так. Случайная ошибка в эксперименте, непреднамеренная смерть?.. Вряд ли. Колебания были слишком сильны. Тьма не будит по пустякам. Эпицентр почти прямо над ним, на верхнем этаже, под куполом.

Он отогнул серебряную пластину боковой обшивки купола, поддев её край острым когтем. Снять её не составило труда, даже при том, что нужно было действовать очень тихо. Аккуратно выломав деревянную дранку, он добрался до самого свода. Здесь достаточно было вынуть всего пару блоков, чтобы он смог проскользнуть в образовавшийся проём.

Полированный мрамор. Белый, чёрный, красный. Любой шорох усиливается каменным сводом, многократно отражается от стен и возвращается в центр зала. К алтарю с витой

металлической подставкой... Под что?.. Кровь... Запах крови сводит с ума, хотя вокруг не осталось ни единой капли. Они всё за собой прибрали, но не смогли вывести запах. Он был многолетний... Старый, устоявшийся запах крови и боли, и страха. Разного. Самым сильным и свежим был запах женщины. Она была молода, даже юна. Что от неё осталось?

Он огляделся, прикрыв глаза, превратившись в Чувство. Нашёл.

В стороне, вдали от алтаря, в тени багровой каменной ниши тускло светился кровавым отсветом силы мелкий прозрачный осколок. «Филактерий не выдержал», – мгновенно пришла догадка. Вот чем был так раздосадован маг. Его труды пропали зря. Он не получил силы, которую попытался украсть. Жертва истрачена впустую.

И если бы Тьма не разбудила его сегодня, то вскоре эта попытка повторилась бы снова, с очередной жертвой.

Но он не один. Его младшие тоже были здесь. Свежим страхом и... и удовольствием (удовольствием?..) несло ото всюду. Если исчезнет старший, его место займёт кто-то из них, и всё повторится.

Этого нельзя допускать. Но и нельзя множить страдания. Он всмотрелся вниз. Под каменными перекрытиями этажей – множество келий. Во многих уже спали. В других – ещё нет. Но они слабы и подчинятся. Их не больше трёх дюжин. Времени мало, но должно хватить. Нельзя останавливаться. Поесть можно будет потом.

Он взлетел под купол, уцепился за каменный выступ и протиснулся наружу. Несколько секунд спустя на первом этаже башни неслышно открылась и закрылась, уже за ним, входная дверь.

4.

«Проклятье... Проклятье... Проклятье!..» – повторялась одна и та же мысль в мозгу Ксандера. Иногда к этому слову добавлялось ещё какое-нибудь, менее цензурное. Он был на грани бешенства. Внутри.

Снаружи он был абсолютно спокоен и хранил царственное хладнокровие. Неторопливо вытерев руки, он небрежно уронил окровавленную тряпку на пол, рядом с ней – фартук. И, бросив в пустоту: «Приберите тут всё», – величественно покинул зал.

Он, даже не оборачиваясь, прекрасно знал, что вышколенные ученики уже бросились выполнять его приказ: снимать со столба то, что осталось от жертвы, убирать инструменты, мыть, чистить и полировать мрамор, и, конечно же, собирать осколки филактерия. Каждому из них было известно, что к следующему ритуалу зал должен быть абсолютно чист. Ни крови, ни остаточных энергий. Ничто не должно мешать повелителю. А если что-то помешает, то виновный будет найден и жестоко наказан. А если не будет найден – то будет жестоко наказан кто-нибудь другой.

Поэтому каждый из них, с дрожащими руками и бледным

от ужаса лицом, тотчас же бросился выполнять свою работу, чтобы как можно скорее исчезнуть из поля зрения повелителя. Потому что найти виновного в том, что произошло, вряд ли было возможно.

Ксандер и сам это прекрасно понимал. Он лично осматривал филактерий. Кристалл был идеально огранён и не содержал примесей, не имел дефектов и скрытых изъянов. Ритуал был подготовлен и проведён по всем правилам. За годы практики – отработан до деталей. За его плечами – опыт древнейших некромантов, достижения современной науки и столетия собственного труда. Кристалл не должен был разрушиться. Не должен был.

Но он разрушился. Лопнул, как переспелый дикий огурец, исторгнув из себя всю накопленную драгоценную энергию, – а затем разлетелся на мелкие осколки. Вдребезги. Повезло ещё, что не ему в лицо.

Проклятье...

И винить в этом было некого, кроме себя.

«Неужели я перестарался? – спросил он себя, вернувшись в свой кабинет, едва лишь смог кое-как успокоиться. – Неужели стандартный размер оказался недостаточен?.. Если учесть константу Борвица, хоть он, конечно же, самовлюблённый старый идиот, не смыслящий в кристаллопозе и ...» – прекратив вышагивать взад-вперёд и усевшись наконец в кресло, он нажал на кнопку звонка.

В ту же секунду в дверях возник согбенный силуэт в ка-

пюшоне.

– Мой повелитель... – и, сделав два робких шага, адепт рухнул на колени и далее уже пополз, не переставая причитывать: – Умоляю, пощади своего ничтожного раба... Я невиновен, господин мой!.. Пощади...

– Заткнись, – просто сказал Ксандер. – Ты мешаешь мне думать.

Адепт тут же умолк, не вставая с колен и не отрывая головы от пола. Ксандеру внезапно очень захотелось плюнуть ему на спину, но он сдержался. Незачем тратить слюну на это ничтожество.

Спустя пару секунд, однако, стало ясно, что умная мысль была, увы, потеряна, и в присутствии этого жалкого червя он бы всё равно не смог её додумать.

– Ванна готова?

– Да, да, мой милосерднейший господин, – залепетало ничтожество. – Как всегда, мой божественный повелитель... Ваша ванна готова, и ваши новые одеяния тоже.

– Сапоги.

Адепт стремглав бросился под стол, чтобы ловкими натренированными движениями стащить с господина ботфорты и надеть на него мягкие домашние туфли без задников. Попутно лобызая господские пяточки от счастья, что сегодня его, похоже, не убьют.

Ксандер поднялся с кресла и направился к двери с левой стороны кабинета, на ходу расстёгивая мантию. Бросил

взгляд на испачканное кровью кресло.

– И приведи в порядок мебель.

«Да, господин!.. Конечно, господин!.. Благодарю, господин!..» – слышалось сзади, пока захлопнутая дверь не отсекала его от этих изъявлений рабской преданности. От которых его уже, признаться, подташнивало, но если этим дать волю...

Нет. Этого делать ни в коем случае нельзя. Этим следует держать в узде и под строгим контролем, иначе какой-нибудь умник посмеет посягнуть на его власть. И хорошо если окажется не слишком умён. Поэтому – только контроль и дисциплина. Страх – лучший надсмотрщик, а боль – лучший воспитатель.

Но как же хорошо, должно быть, живётся этой горстке паразитов в созданном им раю. Им не нужно тревожиться о хлебе насущном. Не нужно тосковать от незаполненности бытия: он всегда заботливо, как настоящий отец, нагружает их работой, которой в Асилуме хватает. А если не хватает – он проявляет фантазию: есть маленькие ножнички для стрижки газонов, продырявленные вёдра для переноски воды, крошечные щёточки для чистки тротуаров... Он учит их основам магии и естественных наук, – а постичь большее они всё равно не способны. Но главное – им комфортно в обществе себе подобных. Это ему приходится терпеть присутствие тупиц.

Счастливы. Могли бы проявлять чуть больше благодар-

ности в ответ на его старания, а не шархаться от ужаса при виде своего господина.

Ксандер задержался у ростового зеркала, чтобы полюбоваться своим отражением. Довольно высок, весьма худощав, отчего казался ещё выше. Узкие сухие ладони с длинными тонкими пальцами. Правильный овал лица. Аристократически бледная кожа. Ниспадающая волна снежно-белых волос до середины плеча. Изящно очерченные ноздри. Тонкий презрительный рот над гладко выбритым подбородком. Впрочем, из-за цвета волос он всегда казался гладко выбритым, даже тогда, когда не брился пару дней. Смешная попытка отрастить бороду. Нет, борода ему ни к чему. Он понял это сразу же, как только щетина начала тереться о высокий воротник его мантии.

Но сейчас на нём не было никакой мантии, и он смог наконец-то погрузиться в тёплую и ароматную воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.